

Рождение биополитики

1979 [1].

Курс этого года оказался в конечном итоге целиком посвящен тому, что должно было составлять лишь введение к нему. Итак, оставшаяся тема называется «биополитикой»: под этим термином я имел в виду попытки рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставившихся перед практикой управления, феноменами, присущими единствам людей, или населению — такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы... Известно, какое растущее значение эти проблемы приобрели с XIX в. и какие политические и экономические ставки связаны с ними по сей день.

Мне казалось, что эти проблемы невозможно отделить от той политической рациональности, в рамках которой они возникли и обрели свою остроту. Имеется в виду «либерализм», поскольку именно по отношению к нему они приняли характер вызова. Возможно ли принять во внимание феномен «население» с его последствиями и специфическими проблемами в системе, заботящейся об уважении правовых субъектов и о свободе индивидуальной инициативы? От имени чего и по каким правилам можно управлять населением? Примером тут могут служить дебаты о законодательстве по здравоохранению, развернувшиеся в Англии в середине XIX в.

***

Что следует понимать под «либерализмом»? Я опирался на рассуждения Поля Вейна, посвященные историческим универсалиям и необходимости применить к истории некий номиналистский метод. И, воспользовавшись несколькими уже разработанными методами, я попытался проанализировать «либерализм» не как теорию и не как идеологию, и, само собой разумеется, еще меньше как способ «саморепрезентации» общества, — но как практику, т. е. как «способ действия», ориентированный на определенные цели и саморегулирующийся посредством непрерывной рефлексии. В таком случае либерализм необходимо анализировать как принцип и метод рационализации управленческой деятельности — рационализации, которая подчиняется внутреннему правилу максимальной экономии (и в этом ее специфика). Если всякая рационализация управленческой деятельности стремится максимизировать свои результаты, по возможности минимизируя издержки (понимаемые в политическом смысле не менее, чем в экономическом), то либеральная рационализация исходит из постулата, что управление само по себе (речь здесь, разумеется, идет не об институте управления, но о деятельности, состоящей в управлении поведением людей в рамках государства и посредством государственных инструментов) не может быть своей собственной целью. У него нет внутреннего *raison d'être*, и максимизация управления — пусть даже с целью достичь по возможности наилучших условий — не должна быть его регулятивным принципом. В этом либерализм

порывает с тем «государственным интересом», который с конца XVI в. искал в существовании и усилении государства цель, способную оправдывать растущее «искусство государственного управления» и регулировать его развитие. Polizeiwissenschaft², разработанная немцами в XVIII в., отчасти из-за того, что у них не было крупной государственной формы, и отчасти — потому, что небольшой размер территорий предоставил им доступ к очень легко наблюдаемым единствам, дав при этом необходимые технические и концептуальные инструменты эпохи, всегда руководствовалась принципом: недостаточно внимания обращают на то-то и на то-то, слишком многое от него ускользает, во многих областях недостаток регулирования и регламентации, порядок и администрирование оказываются несостоятельными — словом, слишком мало управляют. Polizeiwissenschaft — вот форма, которую приняла управленческая технология, доминирующим принципом которой являлся принцип государственного интереса: и некоторым образом, «совершенно естественно», что она занимается проблемами населения, которое должно быть по возможности более многочисленным и активным — для усиления государственной мощи; следовательно, здоровье, рождаемость и гигиена без проблем обретают в «полицейской науке» свое важное место.

А вот либерализм пронизан принципом: «Управляют слишком много» — или, по крайней мере, надо всегда подозревать, что слишком много. Искусство государственного управления не должно осуществляться без «критики», гораздо более радикальной, чем испытание оптимизацией. Искусство государственного управления должно задаваться вопросом не только о наилучших (или о наименее дорогостоящих) средствах для достижения своих целей, но и о самой возможности и легитимности собственного плана достижения целей. Подозрение о том, что всегда существует риск чрезмерного управления, облекается в вопрос: так почему же необходимо управлять? Отсюда проистекает тот факт, что либеральная критика едва ли отделима от новой для эпохи проблематики «общества»: как раз во имя последнего стремились понять — почему необходимо, чтобы существовали правительство и управление, но и в чем без них можно обойтись, и где их вмешательство оказывается ненужным или вредным. Рационализация правительственной практики — в границах государственного интереса — имела в виду ее максимизацию на оптимальных началах, в той мере, в какой существование государства напрямую предполагает осуществление управления. Либеральная рефлексия исходит не из факта существования государства и не видит в управлении самоцель; она исходит из общества, вступающего с государством в сложные отношения экстерииорности и интерииорности. Именно либеральная рефлексия — в порядке сразу и условия, и конечной цели — позволяет уже ставить не вопрос: как управлять по возможности больше и с возможно меньшими затратами? Но, скорее: почему необходимо управлять? Т. е. — что делает необходимым существование правительства и управления и какие цели правительство должно преследовать по отношению к обществу, чтобы оправдать собственное существование? Идея общества позволяет развивать технологию управления исходя из того принципа, что последнее уже в самом себе заключает нечто «чрезмерное», «излишнее» — или же, по крайней мере, служит неким дополнением, относительно которого можно и всегда нужно задаваться вопросом, необходимо ли оно и какую пользу оно приносит.

Речь идет не столько о том, чтобы превращать различие между государством и гражданским обществом в историко-политическую универсалию, позволяющую задаваться

вопросами относительно различных конкретных систем, сколько о попытке увидеть в этом различии форму схематизации, типичную для конкретной технологии управления.

***

Итак, невозможно сказать, что либерализм является никогда не осуществившейся утопией — правда, лишь в случае, если мы примем за ядро либерализма проекции, сформулированные им, исходя из собственных анализов и критики. Это не греза, которая наталкивается на реальность и которой некуда вписаться. Либерализм формирует инструмент для критики реальности — здесь причина и его полиморфизма, и его повторяемости в истории: инструмент для критики прежнего государственного управления, от которого он стремится отмежеваться; актуального государственного управления, которое пытаются реформировать и рационализировать, пересматривая и сокращая его; государственного управления, вызывающего противодействие и стремление ограничить злоупотребления им. В итоге получается, что мы можем обнаружить либерализм — в его различных, но существующих одновременно формах — в качестве регулятивной схемы практики управления и как тему оппозиции, иногда радикальной. Для английской политической мысли конца XVIII и первой половины XIX в. в высшей степени характерно пользование понятием «либерализм» в этих разнообразных смыслах. И особенно показательны эволюция и двусмысленности либерализма у Бентама и его последователей.

Несомненно, что в либеральной критике важную роль сыграли рынок как реальность и политическая экономия как теория. Но — как подтвердила важная книга П. Розанваллона 4 — либерализм не является ни следствием, ни развитием рынка. Рынок в либеральной критике, скорее, сыграл роль «теста» (test), места привилегированного опыта, в котором можно заметить результаты избыточного государственного управления, и даже измерить эту избыточность: анализ механизмов «неурожая», или более обобщенно говоря, торговли зерном в середине XVIII в. имел целью показать, начиная с какой точки «управлять — это всегда управлять чрезмерно». И идет ли речь о Таблице у физиократов или же о «невидимой руке» у Смита, а следовательно, об анализе, имеющем целью сделать видимыми — в форме «очевидности» — образование стоимости и циркуляцию богатств, — или же, наоборот, об анализе, предполагающем непременно присутствующую невидимость связи между поисками личной прибыли и ростом коллективных богатств, — в любом случае экономика показывает принципиальную несовместимость между оптимальным развитием экономического процесса и максимизацией управленческих процедур. Именно в этом, а не во взаимодействии понятий, французские и английские экономисты XVIII в. отделились от меркантилизма и камерализма; они избавили рефлексию об экономической практике от гегемонии государственного интереса и от решающей роли правительственных вмешательств. Используя экономическую практику как критерий для «чрезмерного управления», они расположили ее «у предела» правительственных действий.

Без сомнения, либерализм точно так же не является производным от юридической рефлексии, как и от экономического анализа. И либерализм не был порожден идеей политического общества, основанного на договорных связях. Но в поисках либеральной технологии управления выяснилось, что регулирование общества с помощью юридической

формы оказалось гораздо более действенным инструментом, чем мудрость и умеренность правителей. (Что касается физиократов, то у них, скорее, была тенденция из-за недоверия к праву и юридическим институтам искать этого регулирования в том, что деспот, обладающий институционально неограниченной властью, признавал «естественные» законы экономики, навязывающие себя ему в качестве очевидной истины.) Либерализм стремился найти это регулирование именно в «законе», и отнюдь не посредством естественного для него юридического права, но потому, что закон определял формы общих правил вмешательства, несовместимого с частными, индивидуальными и исключительными мерами, а также потому, что участие управляемых в разработке закона, в парламентской системе образует наиболее эффективную систему правительственной экономики. Следовательно, «правовое государство», Rechtsstaat, Rule of Law, организация «реально репрезентативной» демократии на всем протяжении первой половины XIX в. были связаны с либерализмом, — но подобно тому, как политическая экономия, поначалу использовавшаяся в качестве критерия излишнего государственного управления, не была либеральной ни по природе, ни по свойствам, и даже вскоре способствовала возникновению антилиберальных взглядов (будь то в National-oekonomie XIX в. или в плановых экономиках XX в.), — так и демократия, и правовое государство не обязательно были либеральными, а либерализм — не обязательно демократическим или сопряженным с правовыми формами.

В либерализме я попытался бы увидеть не столько более или менее связную доктрину, не столько разновидность политики, преследующей известное количество более или менее определенных целей, сколько форму критической оценки управленческой практики; эта критика может исходить изнутри или извне; она может опираться на некую экономическую теорию или соотноситься с некоей юридической системой — без необходимых и однозначных связей. Вопрос о либерализме, понимаемый как вопрос о «чрезмерном управлении», был одним из постоянных измерений недавно появившегося в Европе феномена, который, похоже, возник в Англии: речь идет о «политической жизни»; он является даже одним из основополагающих элементов либерализма, ведь политическая жизнь существует лишь тогда, когда управленческая практика ограничена в своих возможных излишествах тем фактом, что она служит предметом публичных дебатов касательно ее «блага и зла», ее «чрезмерности или недостаточности».

***

Разумеется, речь здесь идет не об исчерпывающей «интерпретации» либерализма, но о плане возможного анализа — анализа «управленческого интереса», типов рациональности, задействованных в процессах, посредством которых с помощью государственной администрации осуществляется руководство поведением людей. Я попытался провести такой анализ на двух современных примерах: германского либерализма 1948—1962 гг. и американского либерализма Чикагской школы. В обоих случаях либерализм — в весьма определенном контексте — предстает как критика иррациональности, свойственной чрезмерной государственности, а также как возвращение к умеренному, непритязательному [frugal] управлению (выражение Франклина).

В Германии носителем такой чрезмерной государственности был военный режим, нацизм, но и помимо нацизма, тот тип дирижистской и плановой экономики, что возник в период 1914—1918 гг. и был связан со всеобщей мобилизацией ресурсов и людей; под эту рубрику подходит и «государственный социализм». В действительности, германскому либерализму после Второй мировой войны дали определение и программу, и в значительной части его применили на практике те же люди, что, начиная с 1928—1930 гг., принадлежали к Фрейбургской школе (или, по крайней мере, вдохновлялись ею), а впоследствии выражали свои взгляды в журнале «Ордо». В точке пересечения между неокантианской философией, феноменологией Гуссерля и социологией Макса Вебера — близкие по некоторым вопросам Венской школы экономики, озабоченные соотношением, проявляющимся в истории между экономическими процессами и юридическими структурами, такие либералы, как Ойкен, В. Рёпке, Франц Бём, фон Рустов, вели критику на трех различных политических фронтах — против советского социализма, национал-социализма и вдохновленной Кейнсом интервенционистской политики — но все они обрушивались на то, что считали единственным противником: на тип экономического управления, систематически игнорирующий то, что одни лишь рыночные механизмы способны обеспечить формообразующее регулирование цен. Ордолиберализм, исследуя основополагающие темы либеральной технологии управления, попытался определить то, чем могла бы быть рыночная экономика, организованная (но не плановая, не дирижистская) в таких институциональных и правовых рамках, которые, с одной стороны, обеспечивали бы гарантии и ограничения закона, а с другой — гарантировали бы, что свобода экономических процессов не произведет социальных деформаций. Как раз изучению такого неолиберализма, вдохновившего экономический выбор в общей политике ФРГ в эпоху Аденауэра и Людвига Эрхарда, и посвящена первая часть этого курса.

Вторая его часть имеет некоторые аспекты того, что называют американским неолиберализмом: этот неолиберализм, как правило, ассоциируют с Чикагской школой; он тоже развивался как реакция на «чрезмерное управление», которое, на взгляд американского неолиберализма после Саймонса, характерно для политики New Deal⁵, планирования в годы войны и крупных экономических и социальных программ, поддерживавшихся большую часть времени после войны демократическими администрациями. Как и германские ордолиберы, экономические либералы США осуществляли критику, ссылаясь на неизбежную череду следующих опасностей: экономический интервенционизм, чрезмерное раздувание управленческих аппаратов, чрезмерное администрирование, бюрократию, окостенение всех механизмов власти — и в то же время при них происходили новые экономические сдвиги, способствовавшие новым правительственным вмешательствам. Но в центре внимания этого американского неолиберализма находилось движение, совершенно противоположное направлению в социальной рыночной экономике в Германии: если эта экономика считала, что регулирование цен через рынок — единственный фундамент рациональной экономики — само по себе столь уязвимо, что его следует поддерживать, обустривать и «упорядочивать» посредством внутренней политики, бдительной в отношении социальных вмешательств (включая помощь безработным, покрытие потребностей здравоохранения, какую-то жилищную политику и т. д.), — то неолиберализм американский, скорее, стремится распространить рыночную рациональность и предлагаемые ею схемы анализа и критерии решения на области не исключительно, или не в первую очередь экономические.

Сюда относятся семья и рождаемость, а также правонарушения и политика в области уголовного права.

Итак, теперь следовало бы изучить способ, каким специфические проблемы жизни и населения ставились в рамках такой технологии управления, которая отнюдь не всегда была либеральной, но все-таки с конца XVIII в. непрестанно поднимала вопрос о либерализме.

***

В этом году семинар был посвящен кризису правовой мысли в последние годы XIX в. Доклады сделали: Франсуа Эвальд (о гражданском праве), Катрин Мевель (о публичном и административном праве), Элиана Алло (о праве на жизнь в законодательстве о детях), Натали Коппенжер и Паскуале Паскуино (об уголовном праве), Александр Фонтана (о мерах безопасности), Франсуа Делапорт и Анна-Мари Мулен (о полиции и политике в области здравоохранения).

Версия #2

Зверобой создал 1 февраля 2026 01:47:02

Зверобой обновил 1 февраля 2026 22:44:20